

*Моей малой родине — северной
деревне под названием Едома — посвящаю.*

Дорога к храму

ПОЭМА

«Зачем дорога, если не ведёт к храму?»

(из фильма «Покаяние».)

1

В деревне, простоявшей больше века,
Огонь, горевший смирным костерком,
Ушёл из-под контроля человека,
Подхваченный коварным ветерком.
И, серым пеплом заметая след,
Напали жадно огненные крылья
На избы, где недавно люди жили,
Была деревня — и деревни нет!

Лишь несколько рябинок, протестуя,
Вздывают обгорелых веток вязь:
В лесу деревья умирают стоя,
Погибли и они, не преклонясь!
И, словно шлёпнув трупное клеймо,
«Районка» суетливо написала,
Что восемь в этом пламени пожара
Бесхозных уничтожено домов...

Вот так вот: равнодушно, безучастно,
Не дав себе труда в подборе слов,
Которые не стали б в одночасье
Несчастливым погорельцам новым злом.
Не может быть бесхозным отчий дом!
Бесхозным в поле хлеб у нас сгнивает,
Бесхозный луг кустами зарастает,
А сельский дом — не травка под кустом!

Не по велению всемогущей шуки
Он вырос у деревни на глазах, —
Крестьянские мозолистые руки
Построили его сто лет назад.
Для выросшего сына или брата,
Чтоб дружно молодой семье жилось —
Так исстари в деревне повелось —
Вставали в ряд дома, как в строй солдаты.

В них жили не как царь в своих палатах —
По горнице на каждого жильца —
Но места за столом и на полатях
Хватало всем: от деда — до мальчика.
Коню, корове, кошке — дом умел
И живности жилплощадь обеспечить;
В нём даже таракан — жилец запечный —
Хоть был гоним, но щель в стене имел!

Степенно по деревне жизнь несла
Извечные крестьянские заботы.
Всё время отводилось в ней делам,
Потехе только час — в конце работы.
Для церкви час, чтоб душу просветлить,
Задумавшись над проповедью вечной,
А чтобы долг воздать по-человечьи,
Был час — могилы близких посетить.

Теперь не скажут многие, как звать
И деда, если нет его живого!
Как детям почитать отца и мать,

Коль дома про свой род они ни слова?!
Не храмы нынче строят, а дороги, —
Не счесть прожектов «Как поднять село?»,
Но в них не до церковных куполов,
Не слышат власти гóлоса тревоги.

Напрасно мы на стройки тратим силу;
Не в храм ведёт — зачем тогда дорога?
Не потому ли Бог забыл Россию,
Что люди на Руси забыли Бога?!
Не идола немого на иконах,
А Бога в храме собственной души,
В котором освятить свой путь спеши
По нравственным неписаным законам.

А вот в деревне старой берегли
Родительские мудрые заветы.
И дети с малых лет узнать могли
Дедóв, запечатлённых на портретах.
Побудет на могилах предков внук,
Почтит их память трезной небогатой
И быстро дорастёт до «кандидата
Семейно-исторических наук».

А в «звании учёном» и мальцу
Негоже белоручкой подрастать.
И в хлопотах, равняясь по отцу,
Сын сам спешил мужчиной в доме стать.
Не тем, который может гнуть подковы
И гвозди кулаками забивать,
А тем, кто должен дом не забывать
И защитить от бед его готовый!

Решая непустяшные вопросы,
Мальчишки послаблений не просили.
Но, рано посвящённые в мир взрослых,
Подолгу детский мир в душе носили.
В лапту, бывало, стар и мал играют,
Иль взять, к примеру, те же городки:
Мальчишки тут — и тут же мужики,
Как дети, всё забыв, битую кидают.

А дети, коль их помощи не просят,
В мороз трескучий снежною зимой
До тех пор по угорам проекозят,
Что каждый день «рычка» ведут домой!
Ну, это ежли пальцы задубеют,
Креплений лыжных с ног не отвязать,

Замёрзшим ртом ни слова не сказать —
Невольно «зарычишь» бычком под дверью!

А как потом желанна и жарка
Печь русская — премудрое творенье
Умелых рук простого мужика,
От всех напастей лучшее спасенье!
Не часто ей поэмы посвящать
Спешили голосистые поэты,
Но печь не злилась на людей за это, —
Всегда тепла и ласкова, как мать.

Немало есть на свете стариков,
Которые и семь чудес видали,
А вот восьмое — жар печных боков —
Ни разу на себе не испытали.
Печально, что на склоне лет их греет
Чугунных рёбер куцее тепло;
Я сравнивал — мне в жизни повезло —
Печной дух батарея не заменит!!!

Оттаёт сорванец на жаркой печи,
От слякоти телесной нос просушит
И к дедушке на длинный зимний вечер, —
Послушать про охотника Палушу.
И вновь заводит дед рассказ былинный —
Как жил, как на медведя шёл Палуша —
Замрёт со страха внук, но будет слушать,
Ведь сказы деда — ягода-малина!

Конечно, в каждом доме свой рассказ
Вели ребятам бабушки и деды,
Но в чём искать смысл жизни — в первый раз
От них, пожалуй, узнавали дети.
А смысл простой: учись людей любить,
Желай другим добра, а зла не помни,
И если у соседа горе в доме,
Спешу в беде соседу пособить.

Я, помню, был ещё совсем мальцом,
Когда с полочки скудной, как-то раз,
Решили, поразмыслив, мать с отцом
Купить железный чайник — про запас.
Хоть старенький и был уже «в годах»,
В утиль списать «трудягу» не спешили,
А новый — погорельцам порешили
Отдать, когда в их дом пришла беда.

Я потому тот случай не забыл
И не стыжусь смешков своих знакомых,
Что чайник этот — лучшей вещью был
В ту пору в небогатом нашем доме!
Конечно, прибедняться не к лицу,
Но роскоши откуда было взяться,
Коль вместо денег пачкой облигаций
Платили ежемесячно отцу?

В колхозе тоже мало что давали,
Но бабы, собираясь на покос,
Шутили и на вид не унывали,
Частушки в ход пуская вместо слёз.
Не в меру обложённая налогом
Деревня долго тяжкий крест несла,
Но душу от растления спасла,
Стремясь постичь смысл жизни, данной Богом.

2

...А время шло, и стало не в честИ
Открыто чувства в храме показать.
Немодным стало — тяжкий крест нести
И душу от растления спасать.
Вдолбили нам, что Бог — причина бед,
Что церковь — это сущая химера,
Дурившая людей без всякой меры,
Была опора — и опоры нет!

Придумали взамен какой-то кодекс,
Благими наставленьями набитый,
Но много ли в нём толку, если совесть,
И честь, и вера напрочь позабыты?
Решать за нас всё стало государство, —
Вы, дескать, только винтики в машине,
Не мыслите масштабами большими —
И смыслом жизни стало просто пьянство!

Конечно, и в былые времена
В деревне бурно праздники справлялись;
Плясали, пели, пили допьяна,
Но утром на работу отправлялись.
Иль взять кулачный бой — мужскую шалость:
Смысл «драки» — с ног противника сшибить,
Но правило — «Лежачего не бить!» —
Святое! И ни кем не нарушалось.

На игрище — забаву молодых —
Прийти нетрезвым — вовсе не прошалось.
И косо на соперников своих
Глядеть за их успех не поощрялось.
Попробуй-ка, хмельной, повозражай, —
Все девки, оскорбившись, отвернутся!
И парни не простят, коль будешь дуться, —
Хоть сразу из деревни уезжай.

Всё рухнуло! Опоры больше нет!
Не стало в жизни твёрдого Закона.
А ложь вождей — причину наших бед —
Развесили, как новые иконы!
Лежачих бить ногами продолжали —
Сломался стержень нравственный уже,
Не стало Бога в раненой душе —
И люди из деревни побежали.

Какой резон в колхозе прозябать
И круглый год за «палочки» трудиться?
Всю жизнь свою бесцельно прожигать —
Неужто для того дано родиться?
Удел достался горький старикам:
Не землю передать сынам в наследство,
А молча поощрять детей за бегство —
Такого не желают и врагам!

Смолкали молодые голоса,
Частушек вместо слёз не слышно боле,
И с каждым годом шустрая лоза
Всё гуще покрывала луг и поле.
Настигло разоренье и дома,
Не знавшие доселе горькой доли,
Покорные весь век хозяйской воле, —
Пришла и к ним забвения чума.

Крест-накрест «ослепили» их досками,
Вокруг стеной крапива поднялась,
И тяжесть запустения, как камень,
Гнетущим грузом в избах улеглась.
Заглохли звуки птичьих голосов,
Заезжий вор оставил настежь двери,
А в зимние морозы только звери
В деревню забродили из лесов.

Вернитесь, люди! Землю оживите!
Ведь дом ваш — не жилище для зверей! —
Со скрипом молят избы. — Помогите! —

Ладонями распахнутых дверей.
Знать, Бог услышал стоны ржавых петель;
Взмахнул коварным ветром, как рукой,
Прервал их муки огненной рекой —
И нет домов! Остался только пепел...

Омыла раны дождевой водой
Заботливо премудрая природа,
Покрыла землю травкой молодой
И спрятала ожоги в новых всходах.
Лишь робкий ветерок кружит с тоской
Над местом, где недавно люди жили,
Где избы крыши-головы сложили...
Укутал гарь кладбищенский покой...

О, Господи!!! Да что же мы творим?!
Какой ценой земное счастье ищем?
Всё «строим», а куда ни посмотри —
покрыли Русь кусты да пепелища!
Зачем мечтой витаем в облаках
И строить мнимый рай зазря стремимся,
На жертвы и утраты не скупимся, —
Постройка-то на глиняных ногах!

Откуда силы брал герой былин,
Защитником в сказаниях воспетый?
Вся мощь его от Матушки-Земли!
Об этом твёрдо знают даже дети.
А что мы нынче делаем с землёй?
Глумимся, как над мачехой постылой!!!
Так где ж тогда искать источник силы,
Когда распято русское село?!

Зачем плодим бредовые идеи?
Во лжи себе признаться не хотим.
Земли всех больше в мире мы имеем,
А сами «закордонный» хлеб едим!
На тамошнюю жизнь глядим с тоской,
Утратили и веру, и державность,
Живём, судьбы изведав беспощадность,
Как нищие, с протянутой рукой!!!

Одумайтесь, сановные вельможи!
Нельзя свободу вечно запирасть.
Народ — не скот, и вывод сделать сможет:
Подходит время — камни собирать.
Взор к небу обратит с простой молитвой:
«Прости нас, Боже, грешных и спаси!» —

Из века в век звучало на Руси
И в праздники, и в будни, и пред битвой.

3

... Не все забыли Бога на Земле.
Нашлись сердца, что твёрдо верой жили,
И старый склад-церквушку в том селе
Умелыми руками освежили.
Казалось бы, по логике простой, —
Зачем в глухом лесу зря тратить доски,
Где видят храм лишь сосны да берёзки?
Не будет ли труд прихотью пустой?

Иначе рассуждали мастера,
Награды за работу не просили:
«Россию поднимать с колен пора,
А только вера даст на это силы!
Начало возрожденью положи:
Зовёшь себя российским патриотом —
Чурайся пустозвонных словоплётов!
А чувства... — ты их делом докажи!»

4

... И вот стоит старинная церквушка
В кольце давно неезженных дорог.
Сияет, словно росписью игрушка,
Узором свежеструганных досок!
Вокруг пустыня! Нету ни души!
Не слышно даже галочьего гаму,
Но, как и встарь, ведёт дорога к храму...
А коль есть храм, то будет здесь и жизнь!

Умолкнут сладкогласые пигмеи,
Исчезнет словоблудия дурман,
А всякие бредовые идеи
Рассеются, как утренний туман.
Взойдут хлеба, резвиться будут дети,
И пусть не бесконечна жизнь моя,
Я твёрдо верю — оживёт земля,
И новый дом моих потомков встретит!